

Глава 8 Младший брат

У Цюй Юньме имелось великое множество недостатков.

Однако было у него одно неоспоримое достоинство: он всегда держал слово. Этот человек не принадлежал к числу тех правителей, что меняют указы по нескольку раз на дню. Если уж он что-то решал, то стоял на своём до конца, и никакие уговоры не могли поколебать его волю.

Гао Сюньчжи прекрасно это знал, а потому всегда старался действовать на опережение. Стоило ему заметить в глазах воспитанника тень жажды крови, он спешил вмешаться ещё до того, как роковой приказ сорвётся с губ государя.

Со временем Сяо Жун тоже осознает эту истину, вот только сейчас времени на раздумья у него попросту не осталось.

В то мгновение, когда он резко вскочил с места, ему показалось, будто в его голове разом столкнулись три сотни медных тарелок. Золотые искры, пляшущие перед глазами, не были преувеличением; в ушах стоял такой звон, что юноша перестал слышать окружающий мир, а зрение его застлала мутная пелена.

Он не видел ни ошеломлённых, ни сочувственных взглядов, которыми его одарило всё собрание. Даже тот старик, что ещё недавно требовал уступить ему место, оправился от жгучего стыда и теперь смотрел на Сяо Жуна без былой злобы. Стоит ли гневаться на того, чьи дни уже сочтены?

Когда звон в ушах немного утих, юноша, судорожно прижимая руку к груди, шаткой, но решительной походкой вышел в центр зала. Стражники, повинувшись воле Чжэньбэй-вана, уже приближались к «храбрецу» при полном вооружении, намереваясь выволочь его наружу и казнить. Столкнувшись с непредвиденной помехой, они в замешательстве замерли, не зная, как поступить.

По привычке воины взглянули на своего господина, но тот не сводил глаз с Сяо Жуна. Если бы юноша не подал голоса, правитель, пожалуй, и вовсе забыл бы, что пригрел в своём дворе лазутчика.

— Остановиться?

Цюй Юньме посмотрел на него, и от этой улыбки у присутствующих похолодело внутри.

— Не знаю, каков был ваш уклад в линьчуаньском клане Сяо, но здесь, в Яньмэне, моё слово — закон. Если я велю казнить, значит, так тому и быть!

Он угрожающе прищурился:

— Ещё одно слово поперёк моей воли — и твоя голова покатится следом за его!

Сяо Жун глубоко вдохнул и заговорил быстро, стараясь не упустить момент:

— Я взываю к вам не как отпрыск клана Сяо, а как ваш советник. Этот господин был излишне резок и оскорбил ваше величество, но лишь потому, что сердце его болит за государя, за армию Чжэньбэй и за народ Ичжоу! В его словах — лишь преданность и прямота. Слеплённый тревогой из-за предательства, затаившегося в рядах армии, он не сумел разглядеть собственной ошибки. Если вы казните его сейчас, то лишь сыграете на руку истинным изменникам. Это принесёт горе вашим близким и нескрываемую радость — врагам!

Договорив, юноша едва не задохнулся; перед глазами снова поплыли круги.

В зале послышался приглушённый шёпот — слова советника заставили многих задуматься. Даже осуждённый на смерть замер в изумлении, невольно пытаясь припомнить: не было ли в сказанном доли истины? Обычно люди, когда кто-то авторитетно ставит их позицию под сомнение, склонны на миг усомниться в себе, прежде чем снова занять прежнюю сторону.

Однако Цюй Юньме не был обычным человеком.

— Ну и что с того? — холодно бросил он. — Любой, кто смеет порочить моё имя, заслуживает смерти.

Он произнёс это с таким пугающим спокойствием, что Сяо Жун невольно широко раскрыл глаза. Он не мог поверить, что подобные речи могут исходить от правителя. Хроники могли лгать, слова на бумаге могли быть лишь предвзятым мнением историков — из-за них он изначально недолюбливал Цюй Юньме. Но после их первой встречи это предубеждение немного ослабло.

Причина была проста: Чжэньбэй-ван пощадил его. И неважно, хотел ли тот просто понаблюдать, как «шпион» выдаст себя, или действительно проявил милосердие — главное, он дал юноше шанс. Сяо Жун до последнего надеялся, что государь не безнадёжен. До этой самой секунды.

Дурнота накатывала волнами. За последние полгода он бесчисленное количество раз чувствовал себя плохо, но никогда не знал, на ком сорвать своё раздражение. Теперь же виновник его страданий стоял прямо перед ним, да ещё и изрыгал подобные безумства.

Сяо Жун смотрел на него с нескрываемым потрясением, его губы подрагивали, но слова застряли в горле. Один стоял на возвышении, другой — внизу. Цюй Юньме взирал на него сверху вниз, как и подобало правителю, но почему-то под этим разочарованным взглядом почувствовал мимолётный укол совести. Впрочем, он тут же отбросил это чувство — ведь он был прав! С какой стати ему терпеть клевету?

Государь не двигался, а Сяо Жун ощутил, как его охватывает апатия. У него больше не было сил спорить. Но стоило ему в молчании опустить голову, как во рту разлился знакомый солоновато-металлический вкус. Он судорожно прижал руку к губам.

Когда же юноша отнял ладонь и увидел на ней ярко-алые пятна, его охватил ужас. За последние полгода он харкал кровью лишь однажды — в начале года, когда комета, именуемая Знаменем Чию, приблизилась к земле. Позже это знамение связали с судьбой Цюй Юньме. Суеверный народ поверил в дурной знак, государь лишился поддержки подданных, что в конечном итоге и привело его к гибели.

Сяо Жун замер в оцепенении.

«Комета обладала такой силой, и это я могу понять... — он почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Но этот человек?! Кто он такой, чёрт возьми?! Неужели его смерть приведёт к таким же катастрофическим последствиям, как явление Чию?!»

Рассудок мгновенно вернулся к нему. Какое теперь дело до разочарований и обид? Жизнь — вот что важнее всего!

Юноша резко вскинул голову и с прежним отчаянием выкрикнул:

— Государь, молю, не делайте этого! — Он хотел добавить что-то ещё, но не успел.

Цзянь Цяо, обладавший зорким глазом, заметил кровь на его руке. Его охватило ещё большее потрясение:

— Господин Сяо, вы харкаете кровью!

Зал мгновенно наполнился шумом — сразу несколько человек вскочили со своих мест. Генерал Цзянь тут же велел позвать лекаря. Советники из свиты вана, хоть и недолюбливали выскочку, нарушившего их покой, всё же не желали ему смерти. Некоторые из них бросились к юноше и в испуге подхватили его под руки, наперебой спрашивая о самочувствии.

До прихода лекаря оставалось время, но вид крови вызвал такую панику, что ждать никто не решился. Цзянь Цяо приказал стражникам принести носилки и немедленно доставить Сяо Жуну к лекарю.

Юноша даже не успел опомниться, как оказался в кольце людей. Цзянь Цяо бесцеремонно уложил его на деревянный щит, заменявший носилки. В этот момент к ним подошёл Цюй Юньме. Он смотрел на Сяо Жуну с недоверием и сомнением, но, увидев кровавый след в уголке его губ, едва заметно вздрогнул.

«Неужели всё настолько серьёзно?! — правитель ошеломлённо замер. — Я ведь не тебя

казнить собрался!»

Вскоре стражники уже несли юношу к выходу. Заметив в толпе Чжэньбэй-вана, Сяо Жун даже в таком состоянии не забыл о своём деле. Он протянул к нему руку, в которой читалась крайняя нужда:

— Не убивайте его... Государь, молю, сохраните ему жизнь!

— Великий ван! Только не убивайте его!!!

Голос юноши затихал вдали по мере того, как воины удалялись от зала.

Цюй Юньме застыл, не в силах осмыслить произошедшее. События сегодняшнего дня выходили за рамки разумного. Постояв в тягостном раздумье, он развернулся, намереваясь уйти, но вдруг замер, наткнувшись взглядом на двоих стражников, всё ещё удерживавших наглеца.

Командир гвардии шагнул вперёд и нерешительно спросил:

— Великий ван, как быть с этим...

Правитель промолчал. Внезапно всё это показалось ему лишённым смысла. Он лишь устало махнул рукой и направился на плац — муштровывать воинов.

Раз прямого приказа о казни не последовало, значит, приводить его в исполнение не нужно. Стражники отпустили пленника и поспешили вслед за государем. Юноша, растирая затекшие запястья, поднялся с земли. Советники смотрели на него со смешанным чувством досады и облегчения — всё же он был их соратником, так что пара слов сочувствия всё же прозвучала.

Но на том всё и закончилось. Язык этого человека был слишком опасен, и никто не хотел с ним сближаться. Кому охота навлекать на себя гнев вана или, того хуже, оплакивать друга, который рано или поздно всё равно договорится до плахи?

Лекарь, проверив пульс Сяо Жуна, вынес вердикт: виной всему крайнее нервное истощение на почве слабого здоровья. Он выписал рецепт и, многозначительно помолчав, дал юноше совет: пусть ест то, что хочется, и делает то, к чему лежит душа, дабы не оставить в жизни горьких сожалений.

Сяо Жун лишь горько усмехнулся.

А Шу смотрел на них глазами, полными слёз. Когда лекарь ушёл, он упал на колени у постели хозяина и скорбно сжал кулаки:

— Господин...

— Со мной всё в порядке, — устало отозвался Сяо Жун. — Не слушай его бредни, он просто плохой врач. Я с детства такой: харкаю кровью уже лет десять, и, как видишь, всё ещё полон сил.

А Шу вытер слёзы краем рукава:

— Господин опять шутит. Десять лет назад вы ещё не покинули родной дом, и старая госпожа говорила, что здоровье у вас крепче, чем у всех ваших братьев.

Сяо Жун промолчал, надеясь сменить тему, но слуга продолжал:

— Господин, может, стоит написать письмо и попросить старую госпожу и маленького господина приехать в Яньмэнь? Теперь вы, можно сказать, обосновались здесь.

«Обосновался? Да я всё ещё на испытательном сроке у палача».

К тому же путь до округа Яньмэнь был неблизким и полным опасностей. Он ни за что не позволил бы ребёнку и старухе пускаться в такую дорогу в одиночку — любая случайность могла стать для них роковой.

А Шу уже не в первый раз заводил об этом разговор, всякий раз твердя, что в кругу семьи здоровье господина пойдёт на поправку. Но Сяо Жун знал истинную причину: слуга боялся, что его хозяин умрёт на чужбине, так и не увидев родных в последний раз. Эта мрачная заботливость вызывала у него лишь глухую тоску.

Юноша потёр переносицу:

— Обсудим это позже. А пока я хочу немного поспать.

После пробуждения его навестили многие. Цзянь Цяо заглянул первым, затем пришли представители от совета советников — принесли немного снеди. Сяо Жун лишь изогнул бровь и велел всё принять. Если эти книжники не замыслили против него зла, он был готов поддерживать с ними видимость добрых отношений.

Уже под вечер, когда пришло время отходить ко сну, явился ещё один гость. Он назвался Юй Шаосе.

Сяо Жун никогда раньше не слышал этого имени, но оно показалось ему странно знакомым. Когда А Шу ввёл гостя, юноша понял: это и был тот самый безумец, что посмел бросить обвинения в лицо Цюй Юньме. Сяо Жун тут же велел предложить гостю место.

Храбрец оказался на удивление молод — лет двадцати пяти, с довольно приятным и одухотворённым лицом. Глядя на него, трудно было представить, каким ядовитым может быть его язык. Он пришёл, чтобы поблагодарить своего спасителя, но в разговоре вёл себя крайне скованно, словно был не привычен к подобным визитам.

Сяо Жун же встретил его с необычайным радушием. Его разбирало любопытство: что же такого выдающегося было в этом человеке, раз одна лишь угроза его казни заставила юношу харкать кровью?

Когда Сяо Жун задавался целью очаровать собеседника, устоять перед ним было почти невозможно. Красота его лица, дополненная мягкой улыбкой и взглядом, полным искреннего интереса, была поистине сокрушительным оружием.

Юй Шаосе, редко встречавший тех, кто готов был его выслушать, постепенно разговорился. Он поведал, что родом из Юнцзя. В двенадцать лет он отправился странствовать в поисках наставника, в двадцать — завершил обучение и после долгих скитаний оказался в Яньмэне. Слава армии Чжэньбэй, защитившей землю к северу от реки Хуай и изгнавшей варваров в степи, внушала ему глубокое почтение. Именно поэтому он решил предложить свои услуги Чжэньбэй-вану.

Но кто же знал, что тот окажется лишь упрямым воякой, не желающим слушать советов? Шаосе был уверен: рано или поздно государь сам выроет себе могилу.

Сяо Жун слушал его с противоречивыми чувствами. И это всё? Совсем обычная судьба, ничем не примечательное происхождение, заурядные суждения... Любой здравомыслящий человек мог понять, что с таким нравом Цюй Юньме долго не продержится.

Единственное, что показалось юноше любопытным — это поразительное сходство их вымышленных судеб. Ведь сам он тоже присвоил чужое имя, чтобы создать себе подходящую биографию. Тот, за кого он себя выдавал, был точь-в-точь как Юй Шаосе: в десять лет ушёл из дома учиться, в восемнадцать — отправился искать достойного господина, и в те же восемнадцать с половиной скончался от моровой язвы.

Продолжая беседу, они незаметно перешли к разговорам о семье. Сяо Жун упомянул, что у него в Южной Юн остались младший брат и бабушка. Собеседник был искренне удивлён, заметив, как много у них общего. Хоть у него и не было бабушки, зато был младший брат. Благодаря отцовской протекции тот сейчас служил в Цзиньлине в чине дувзя-защитника армии. После ранней смерти родителей брата остались друг у друга единственной опорой.

По праву чин должен был достаться Шаосе, но тот не питал любви к военному делу, в отличие от брата, обожавшего звон клинков. Юй Шаосе уступил ему место, однако младший брат, чувствуя себя в долгу перед ним, то и дело присылал письма, в которых грозился бросить службу и приехать к нему в Яньмэнь.

Говоря о брате, Юй Шаосе невольно улыбался. В его рассказах тот представлял удивительно послушным и славным юношей, который из кожи вон лез на службе, лишь бы обеспечить им обоим достойную жизнь.

Сяо Жун с улыбкой кивнул и, сделав глоток чая, заметил:

— Когда родителей нет в живых, братья и сёстры — самые близкие люди на свете. Мой младший брат, хоть и мал ещё, но вечно хлопочет обо мне. Иногда мне кажется, что это он старший, а я — младший.

Он сделал паузу и добавил:

— Кстати, как зовут твоего брата?

Юй Шаосе с теплотой ответил:

— Его зовут Юй Шаочэн.

Сяо Жун как раз отхлебнул чай. Услышав имя, он поперхнулся и с шумным «пф-ф» выплеснул всё прямо в лицо собеседнику.

«Юй Шаочэн?! Тот самый Юй Шаочэн, который в истории бесновался, словно безумный пёс? Тот, кто не вступал в распри с другими, а лишь неотступно преследовал армию Чжэньбэй, пока не истребил её всю?!»

<http://bllate.org/book/15355/1414031>